

Хорошилов Д.А.

Социальные институты и проблема зла в психологии

Khoroshilov D.A.

Social institutes and problem of evil in psychology

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

В статье рассматривается проблема двойственного понимания принципа социальной детерминации в отечественной психологии. Социальная детерминация интерпретировалась прежде всего как опосредствование познавательных процессов знаковой системой языка и межличностными отношениями, в то время как реальный социально-исторический контекст жизни человека был отодвинут на второй план. В научной школе Г.М. Андреевой впервые была предложена концептуальная программа возвращения реального контекста в изучение социального познания как конструирования образа мира. «Кристаллизацией» социального контекста выступают социальные институты, задающие механизмы социализации и индивидуализации личности. Радикальные социальные изменения интерпретируются как тотальный кризис социальных институтов, утрачивающих основную функцию – ориентации человека в неопределенности. В ситуации деформации и кризиса институтов освобождается место для воплощения социального зла как всеохватывающего насилия и саморазрушения общества. Предельным выражением социального зла следует считать политический режим и идеологию немецкого фашизма 1933–1945 гг., после работ Х. Арндт изучаемый в перспективе оповседневливания и банализации насилия. Стремление осмыслить причины установления фашизма стало одним из факторов превращения социальной психологии в экспериментальную дисциплину, в рамках которой были проведены исследования К. Левина, С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо и других ученых, реализующих цель моделирования зла в социальных отношениях. Показывается, что эти психологические эксперименты являются скорее научными перформансами (сопоставимыми с арт-перформансами М. Абрамович), а не методами в строгом смысле слова. Междисциплинарные исследования социального зла раскрывают латентные институциональные предпосылки возникновения феноменов «нового фашизма» (Дж. Батлер) и «текущего зла» (З. Бауман) в ситуации постмодерна. В качестве культурно-исторического доказательства необходимости широкого понимания социальной детерминации анализируется «Вторая книга» мемуаров Н.Я. Мандельштам.

Ключевые слова: социальная детерминация, социальные институты, банальность зла, текучее зло, «Вторая книга» Н.Я. Мандельштам.

Для цитирования: Хорошилов, Д.А. Социальные институты и проблема зла в психологии // Новые психологические исследования. 2022. № 4. С. 73–89. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_04

Асимметричность понимания социальной детерминации в психологии

Проблема социальной и культурной детерминации в психологии является одной из фундаментальных, а включение факторов ситуации, среды, контекста развития человека в исследовательские методологии стало визитной карточкой советских и российских ученых, всегда уделявших значительное внимание психосоциальной проблеме (Петровский, Ярошевский, 1998). С.Л. Рубинштейн проводил различие между двумя видами социальной детерминации психических процессов. Во-первых, «зависимость от самого существования общественной жизни обуславливает черты, общие всем людям, которые выражаются в *общих закономерностях* психической деятельности человека». Социальная детерминация включает в себя универсальные аспекты психики, связанные с формами социального бытия (языком, трудом и общением). Во-вторых, «зависимость от различных форм общественной жизни обуславливает различные *типические* характеристики эпохи» (Рубинштейн, 1959, с. 207). Иными словами, второй выделяемый Рубинштейном вид детерминации предполагает изучение конкретных социально-исторических условий существования человека.

В истории отечественной психологии (вплоть до недавнего времени) доминировало именно первое, «универсалистское» понимание социальной детерминации, а исследование реального социально-исторического контекста незаслуженно оказывалось на втором плане ввиду идеологических особенностей советского времени, когда разрабатывался культурно-деятельностный подход, поставивший во главу угла всей психологической науки именно принцип социокультурной детерминации. Социальность рассматривалась в ракурсе языка и общения, знаково-символических средств, опосредствующих межличностные отношения и практическую деятельность, в то время как конкретная форма общества и «дух времени» были вынесены за дисциплинарные границы психологии.

Такого рода асимметрия в понимании психосоциальной проблемы была преодолена в классических работах Г.М. Андреевой. В первую

очередь социальный контекст образуют социальные институты, где кристаллизуется совокупность общественных связей; суммарно они могут оказывать противоречивое воздействие на формирование образа мира (Андреева, 2007). Социальные институты опосредуют социальное познание и поведение, и их репрезентации входят в активное конструирование образа мира. Логично упомянуть, что ориентация научной школы Г.М. Андреевой на изучение бытия человека в ракурсе идеи движения и социальных изменений соответствует традиционно высокой контекстности российской культуры (Гришина, 2022).

Социальные институты, по мнению классика институционального анализа Д. Норта, представляют собой «правила игры» в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые структурируют межличностные отношения; функции институтов сводятся к упорядочиванию повседневной жизни и уменьшению неопределенности (Норт, 1997). Институты отчасти подвергаются научной антропоморфизации как коллективные субъекты познания: по М. Дуглас, они являются *мыслительными коллективами* со специфическим когнитивным стилем, санкционирующими формы индивидуального восприятия и памяти (Дуглас, 2020). Другая, конструкционистская, а не когнитивная точка зрения исходит из определения социальных институтов как дискурсов, задающих то, кто мы есть и как нам следует понимать отношения с окружающим миром (Паркер, 2013).

Парадокс заключается в том, что институты созданы человеком, но воспринимаются им как независимая реальность: например, в древнем Вавилоне институты отождествлялись с богами: человек изначально сотворен для блага богов, он предназначен для ритуального служения им. «Ни один человеческий институт не может иметь своей первичной целью благоденствие своих членов. Он должен в первую очередь способствовать благоденствию богов» (Франкфорт и др., 1984, с. 172). К вопросу о прогрессе: в отличие от древних цивилизаций, быстротечные процессы модернизации разворачивают институты от богов к человеку: важнейшей их характеристикой в современных обществах считается не столько принуждение и наказание, сколько удобство предоставляемого образа жизни и борьба за экономические блага (Лузан, 2013).

В психологии последних лет показано, что трансформация социальных институтов как агентов социализации закономерно приводит к изменениям транслируемого ими образа мира и человека, культурных практик индивидуализации и конструирования

идентичности (Марцинковская, 2017). Радикальные социальные изменения можно концептуализировать как тотальный кризис социальных институтов, которые «ломаются» и перестают выполнять функцию ориентации человека в ситуации нестабильности и неопределенности.

В истории XX века работа институтов нередко направлялась против личности, а их кризис оборачивался не анархией, а установлением режима *правотподдерживающего насилия* (Беньямин, 2010), массового террора и разрушения солидарности, что следует считать не ослаблением социальной детерминации, а ее крайним ужесточением. Институты – агенты социализации – включают в себя значимые элементы насилия как жестокой и «кровавой» борьбы субъекта и общества (Гхостов, 2010). Доказательством сказанному служит «Вторая книга» мемуаров Надежды Яковлевны Мандельштам, отстаивающей абсолютную ценность единичной личности вопреки тотальной социальной детерминации, которая представляется вдове великого поэта однозначным злом.

После революций 1917 года, когда Л.С. Выготский создавал концепцию личности как наивысшей формы социальности, О.Э. Мандельштам выпустил цикл статей, где он поставил знак равенства между культурой, словом и *психеей* (Мандельштам, 1987). Труды В.П. Зинченко и А.Г. Асмолова поэтика Мандельштама стала предпосылкой для расширения культурно-исторической парадигмы в современной психологии. Имя поэта встречается в книге «Мышление и речь» и в записках Выготского. О встрече с Выготским вспоминает и сама Н.Я. Мандельштам: *«Встречались мы в тот год [1933] с Выготским, человеком глубокого ума, психологом, автором книги «Язык и мышление». Выготского в какой-то степени сковывал общий для всех ученых того периода рационализм...»*, – далее я покажу, как этот рационализм связан с узким пониманием социальной детерминации (Мандельштам, 1989, с. 216). *«Зря Вы не интересуетесь психологией. Это грандиозная область (наш Выготский и структуралисты)»*, – напишет Мандельштам в поздние годы и настоятельно порекомендует своим корреспондентам найти недавно изданную (1965 г.) книгу «Психология искусства», «очень интересную» (Нерлер, 2015, с. 263, 327).

Н.Я. Мандельштам в своих мемуарах совершает важный шаг вперед (в сравнении с покойным супругом и, вероятно, всей отечественной психологией): она дополняет условно «горизонтальное» измерение социокультурной детерминации общением, словом и языком – «вертикальным» измерением институциональной власти,

оборачивающейся при известных условиях прямым насилием. Не будет преувеличением сказать, что «Вторая книга» является бескомпромиссной и точной попыткой анализа социокультурных и психологических сломов XX века, которые привели к «текучей современности», неопределенности и транзитивности нашего времени. О.А. Седакова в интервью недаром назвала эти воспоминания «учебником политической истории СССР»: Н.Я. Мандельштам трезво оценивает реальность и ищет пути сознательного сопротивления процессам распада культуры (Седакова, 2020).

Во «Второй книге» обнаруживается психологический анализ проблемы социального зла, рождающегося не из индивидуальных диспозиций и черт, а из институционального устройства общества. Убийцы *«непроницаемы для мысли и слова»* (здесь поэт просчитался), остальные *«втягиваются в хитроумные ловушки рассуждений и учатся выворачивать все понятия наизнанку, чтобы оправдать то, что раньше называлось злом. Они начинают поклоняться насилию, как единственному способу действовать»* (Мандельштам, 1990, с. 499). Мандельштам писала мемуары параллельно экспериментам Милгрэма и Зимбардо, где воссоздавалось и объяснялось зло, соотносимое с насилием как психологическим ограничением и принуждением свободной воли человека. В анализе обозначенной проблемы Мандельштам независимо от современных ей мыслителей пришла к идеям о банальности и текучести зла, принимающего закамуфлированные социальные формы.

Моделирование социального зла в экспериментах-перформансах

«Надеюсь, вам, мои дорогие молодые люди, не придется узнать, как много зла в этом мире», – предупреждала устами мисс Марпл своих читателей Агата Кристи, находившая зло в повседневной жизни английской деревни и праздной болтовне, за которой скрывалась память о преступлениях прошлого. Кристи писала об *индивидуализации социального зла* в отдельном человеке; социальное зло можно определить в максимально предельном виде как тотальное насилие, миметически воспроизводимое в обществе (и разрушающее его). По версии Р. Жирара, основным механизмом преодоления такого состояния становится выбор заместительной сакральной жертвы, или «козла отпущения», чье ритуальное и символическое убийство искупает иррациональное самоуничтожение общества (Жирар, 2010). Общество не может изолировать и полностью изгнать насилие, но

стремится найти способы его замещения и культурного подчинения внутри самого себя (кстати, в этом пафос переписки З. Фрейда и А. Эйнштейна о войне и цивилизации).

Теологическая, философская или психологическая проблема зла – вне зависимости от дисциплинарного контекста – требует уточнения его онтологического статуса. Является ли зло самостоятельной действующей силой (этой точки зрения придерживались сторонники гностических и манихейских учений) или искажением истинного бытия, недостатком добра и божественного света? В истории западной интеллектуальной культуры победу одержала вторая из названных позиций, отстанваемая христианскими богословами. На рубеже XIX и XX веков теологический ракурс изучения зла в мире сменился социокультурным: теперь зло локализовалось в усложняющейся структуре массового общества модернизма, одна из значимых черт последнего – рационализация социальной организации при одновременной иррационализации ее членов (Куренной, 2013).

В «Трех разговорах о войне, прогрессе и конце всемирной истории» В.С. Соловьева, вдохновленного художественным образом «Великого инквизитора» из последнего романа Ф.М. Достоевского, социальная детерминация зла персонифицируется Антихристом. Он, в отличие от Иисуса Христа, выступает в роли не исправителя, а благодетеля человечества, навещающего идеальный порядок в работе социальных институтов, который быстро решает все экономические, политические и религиозные проблемы. Однако за пределами внимания Достоевского и Соловьева оставалась включенность зла в повседневные ритмы общества, о чем предупреждала А.А. Ахматова: «Достоевский знал много – но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем: можно убить пятьдесят, сто человек – и вечером пойти в театр» (Найман, 1989, с. 118). В этом замечании поэтессы угадывается новое измерение анализа социального зла, специфическое для Новейшего времени, – *обыденное сознание палача-убийцы*.

Конвенциональным объяснением социального зла (на примере немецкого фашизма) принято считать работу Х. Арндт «Банальность зла», написанную в процессе наблюдения за судом над А. Эйхманом (Arendt, 1964). Вводимый ею принцип банальности зла означает оповседневнивание насилия, олицетворяющее фашистский режим. В определенной мере Арндт наследует не гностически-манихейскому, а христианскому пониманию зла как не-сущего – за злом нет онтологической глубины, одна плесень, которая распространяется по

поверхности, но под собой она ничего не скрывает, только пустоту (Каспэ, 2016).

Отсылки к размышлениям Арендт постоянно встречаются в современной литературе по социальной психологии при интерпретации результатов классических экспериментов: С. Аша, С. Милгрэма и Ф. Зимбардо (Hogg, Vaughan, 2022). Банальность зла выступает в качестве предиктора латентной реставрации элементов фашизма в современных обществах, о чем предупреждали У. Эко в каноническом эссе (Эко, 2003) и М. Манн в наиболее полном анализе фашистского движения: «Понять фашизм – значит понять, как во имя, казалось бы, высоких идеалов современности люди творили зло, которому нет оправдания» (Манн, 2019). Новые движения едва ли назовут себя фашистскими, это было бы слишком однозным актом, но сущность фашизма жива и сейчас, – предупреждает Манн. А Дж. Батлер говорит о возникновении «нового» освободительного фашизма (в отличие от «старого» в Германии 1933–1945 гг.), опирающегося на практики легитимации насилия с целью обеспечения максимальной уязвимости (прекарности) для одних групп населения и минимализации ее для других (Жеребкина, Жеребкин, 2018). Наконец, имеются причины выделять особую фашистскую субъективность, в основе чего находится «капиталистическая установка мышления» (mindset), оправдывающая политэкономическое неравенство, дегуманизацию, расистское исключение и уничтожение Другого (Тео, 2021).

Т. Манн в переписке утверждал, что «психология – это средство вырвать миф из рук фашистских мракобесов и “переключить” его в сферу гуманности» (Манн, 1975, с. 122). Он был сразу же услышан социальными психологами, которые стремились понять и объяснить экспериментальными методами установление и принятие фашизма в Германии. «Первой ласточкой» стали проекты К. Левина: достаточно вспомнить эксперимент по воссозданию политических режимов, демократического и тоталитарного, в микро-ситуациях управления совместной деятельностью. Идея динамического взаимодействия личности и окружения в школе Левина противостояла психоаналитической интерпретации фашизма по аналогии со структурой индивидуального характера, проецировавшегося на общество и культуру (во Франкфуртской школе у Э. Фромма и Т. Адорно). Аш, Милгрэм, Зимбардо продолжили линию Левина в исследовании социальной детерминации зла. А уже в наши дни сложилось самостоятельное направление психологии добра и зла (Социальная психология добра и зла, 2022; Шоу, 2021).

Проблема зла является достоянием не только социальной теории и психологии, но и современного искусства, например, в перформансе М. Абрамович «Ритм Ноль» (1974 г.), где тоже эксплицировалась потенциальность и иррациональность насилия, сокрытого в консервативном институциональном пространстве. Случайные визитеры неаполитанской галереи получали свободу действий в отношении тела художницы с помощью предметов, разложенных на столе, а в их числе – пистолет с пулей рядом. На шестой час перформанса Абрамович была фактически растерзана. Она вспоминала в автобиографии: «Когда я утром посмотрела в зеркало, целая прядь моих волос поседела. В этот момент я поняла – публика может убить... Я вынесла на сцену страхи публики, используя их энергию» (Абрамович, 2019, с. 70). Перформанс Абрамович радикальнее и рискованнее всех экспериментов.

Эксперименты и перформанс подтвердили мысль Арендт: зло – это не радикальное и негативное начало, укорененное в неизменной природе человека, как учили еретические секты первых столетий христианской церкви, а искусственная конструкция, производная от конкретной социальной структуры. К тем же выводам пришел и Милгрэм, когда писал о том, что «человеческий тип, которого воспитывает американское общество, не в состоянии обезопасить граждан от жестокого обращения со стороны бесчеловечного авторитета» (Милгрэм, 2016, с. 247). В интеракциях личности и макросистемы социальных институтов могут негласно устанавливаться символические права и обязанности по «банализации зла», которые интерпретируются субъектом как разрешение действовать. Власть институтов с их издержками социализации и образует реальный социальный контекст (Зимбардо, 2013).

В оптике дискурсивной психологии Р. Харре предложил рассматривать эксперимент как процесс позиционирования и участников, и самого исследователя в дискурсе, то есть в определенной системе интеракций и языковых значений; для концептуализации этой идеи он использовал театральное понятие *эпизоды* – локации для постановки драматических реконструкций социальных эпизодов, в чем дискурсивно конструируются различные психологические феномены (Moghaddam, Harré, 1992).

Цель экспериментирования, следовательно, заключается не в выявлении каузальных связей между переменными, но в экспликации норм, правил и традиций (в терминологии Харре – «грамматику») действий и взаимодействий, конвенционально принятых в микро-

и макросоциальных ситуациях. В логике дискурсивного подхода классические эксперименты социальной психологии правомерно интерпретировать как инсценировки и представления условий возникновения фашизма, предельного воплощения социального зла, но в этически нейтральных для современного общества формах. Эксперименты являются не методами в строгом смысле слова, а скорее научными перформансами, или спектаклями-событиями, где разыгрывается взаимодействие художника (исследователя) и зрителей.

В условиях текучей современности и неопределенности стало возможным говорить о феноменологии *текущего зла*, которое не персонифицируется диктаторами прошлого, но прикидывается внешне слабым, беспомощным и эфемерным; зло скрывается под масками анонимности, утратой эмпатии и игнорирования социальных проблем, отдаваемых на откуп отдельным индивидам. Текучее зло воплощает невидимый порядок текучей современности и является эффектом процесса *адиафоризации*, равнодушия к человеческим страданиям и вынесения социальных тем за пределы морали (Бауман, Донскин, 2019). По З. Бауману, адиафоризация тесно связана с процессами индивидуализации, атомизации и фрагментации общества, проекцией модели массового потребления на все сферы жизни и стремительным ростом социального неравенства. Таким образом, «банальность зла» в интеллектуальном контексте постмодернизма превратилась в «текущее зло», чьи источники предлагается искать в структурной работе институтов и дискурсов, реализующих правоподдерживающее (в терминологии В. Беньямина) насилие «невидимой рукой власти».

Н.Я. Мандельштам о сопротивлении социальной детерминации зла

Теперь, после анализа проблемы социального зла в психологии, можно вернуться ко «Второй книге». Опираясь на рефлексивный анализ жизненного пути в переломную эпоху, Мандельштам усмотрела в ней устанавливающийся ценностный порядок современности, в котором имеется место для легитимации текущего зла и его латентного воспроизводства даже в пост-сталинские, «вегетарианские» времена (по высказыванию Ахматовой). При историческом переходе от одной эпохи к другой зло ослабевает, но *«оно и ослабевшее способно натворить неправимые беды... Необходима невероятная осторожность, чтобы под занавес не совершилось неправимое, а это может произойти, а также, чтобы не профвалось наверх новое зло, которое готовит новые соблазны и новые*

лова. *Инерция зла чересчур сильна, а добрые силы беспомощны и пассивны»* (Мандельштам, 1990, с. 428).

Текущее зло при деформации социальной структуры вытесняется из коллективной и культурной памяти, что отражается в массовом сознании в виде стремительного ускорения времени и переживания беспокойства. *«Основные чувства – боль, раздвоенность жизни и необъяснимость происходящего»* (Мандельштам, 1990, с. 154). Зло, лишающее человека памяти, свободы мысли и слова, может повторить в обновленной форме страшное прошлое. Мандельштам меланхолически утешает себя только тем, что у нее нет детей и по старости лет она не узнает трагической развязки; остается единственная надежда на *«таинственный закон самоуничтожения зла»* (Мандельштам, 1990, с. 91). Несмотря на жесткий приговор времени и современникам, Мандельштам пытается найти способы сопротивления тотальной социальной детерминации, воплощающей зло и насилие.

На первых страницах воспоминаний «диагностирована» болезнь столетия как потеря человеком собственного «я» (на языке психологии – агентивности), что оборачивается либо индивидуализацией (например, в экспрессивном самоутверждении представителей богемы «Серебряного века»), либо оцепенением перед страхом смерти. В обоих случаях происходит отрыв от повседневности, культуры и утрата смысла. *«Симптомы разные, а болезнь одна: сужение личности. II причина болезни тоже одна – рухнувшие социальные связи. Весь вопрос в том, почему они рухнули, а как это происходило, мы видели: все промежуточные звенья – семья, свой круг, сословие, общество – внезапно исчезли, и человек очутился один перед таинственной силой, которая именуется властью и служит распределителем жизни и смерти»* (Мандельштам, 1990, с. 12). Итак, институты власти насильственно встраиваются в персональное жизненное пространство. Личность выпадает из системы связей и достигает крайней точки индивидуализации в столкновении с анонимной бюрократией – тотальной социальной детерминацией, пронизывающей все существование человека вплоть до решения экзистенциального вопроса о его конечности.

Классический постулат, согласно которому социальная группа не сводится к простой сумме входящих в нее индивидов, а объединение индивидов приводит к возникновению новой психологической реальности, выступающей в качестве источника развития и формирования личности, отвергается Мандельштам решительным образом. Разумеется, личность связана с социальным миром, осознает свою неповторимость и находит ее в других людях, но исходная форма

социальной жизни – не группа, а диада («двое»), точнее, диалог. В этом утверждении Мандельштам словно возвращается к идеям Г. Зиммеля о том, что взаимодействие внутри диады – чистая форма общества, отчуждаемая от человека кризисом культуры.

«В двадцатом веке открыли коллективное сознание, снабдили его чем-то вроде кристалликов, нейтральных к добру и злу, и предложили куче клеток, организованных в человеческое общество, плыть в общем потоке вслед за победителем» (Мандельштам, 1990, с. 139). Коллектив – механическое объединение индивидов для самообороны, которое защищает от страха и потерянности, полностью подчиняет себе человека и снимает с него ответственность. Не только тоталитарное, но и фактически любое современное государство создает коллективы для управления людьми. Противоположностью коллектива выступает соборность, или настоящее братство, что можно сопоставить с разделением анонимных и персонифицированных сообществ в эволюционной психологии личности (Асмолов и др., 2018). Мандельштам утверждает абсолютную ценность личности вне любых форматов коллективной психологии, опирающейся на количественный подход к человеку, и призывает вспоминать каждую загубленную судьбу в многообразии ее жизненных миров – от повседневности до сновидений. Цитата: *«Я требую, чтобы все пересмотрели мои сны за столетия, включая тридцать с лишком лет полного одиночества... тогда вам, может, не захочется убивать»* (Мандельштам, 1990, с. 492).

Мандельштам ищет стратегии сопротивления социальной обусловленности в отказе от смысловой детерминации поведения и в обращении к целевой: *«Я могла собрать силы и перенести эти ощущения, потому что отказалась от мысли о смысле жизни и жила одной целью. В мучительные эпохи, когда бедствие, нечеловеческое и чудовищное, затягивается на слишком долгий срок, нужно забывать про смысл – его не найти – и жить целью»*. Вот ее совет для мрачных времен: *«Упражняйтесь в уничтожении смысла и в заготовке целей»* (Мандельштам, 1990, с. 387). Смена уровней детерминации свидетельствует в пользу того, что зло опустошает культурные значения и блокирует процессы смыслообразования.

И.А. Бродский окрестил Надежду Яковлевну «вдовой культуры»: не масштаб судьбы и выпавшего на ее долю горя, а чувство души языка, полученное от традиции русской поэзии двадцатого века, удостоверяет неоспоримость ее понимания действительности (Бродский, 2020). Размышления Н.Я. Мандельштам существенно расширяют понимание социальности, негласно принятое в современной психологии, и дают возможность включить в него анализ взаимодействия социальных

институтов и жизненного пути. Судьба человека складывается как драма внутреннего принятия социальной детерминации и жестокой борьбы с ней, которая, в конце концов, может стать знаменем, символом личности в истории; при этом изменения общества и социальных институтов не ослабляют детерминацию, а еще больше усиливают ее, допуская узаконивание зла и прямого насилия.

По убеждению Мандельштам, в жизни имеется социально-историческая заданность, однако свобода потенциально неисчерпаема, каждый человек создает себя сам в зависимости от обстоятельств и избранного пути. Она вспоминает слова мужа о том, что главный признак человека – способность к выбору и определению своего мира, выражающая отношение к личности как наивысшей ценности во всей европейской культуре. Сопротивляться текущему социальному злу – означает взглянуть страху прямо в глаза и бороться буквально за каждую человеческую душу, индивидуальность. *«Человек идет путем свободы или, лучше сказать, обретает свободу, если ему удастся избавиться от темных побуждений своего «я» и времени, в котором он живет. Одержав победу, человек получает свободу от себя и от эпохи»* (Мандельштам, 1990, с. 227).

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

Литература

Абрамович, М. [Abramovich M.] Пройти сквозь стены: автобиография. М.: АСТ, 2019.

Андреева, Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2007.

Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.

Лузан, А.А. Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.

Бауман, З., Донскин, Л. [Bauman Z., Donskis L.] Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.

Беньямин, В. [Benjamin W.] Учение о подобии: медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2010.

Бродский, И.А. Дня цивилизации: эссе. СПб.: Лениздат, 2020.

Гришина, Н.В. Человек в отношениях с окружающим миром: описания контекста. // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 22–39.

Дуглас, М. [Douglas M.] Как мыслят институты. М.: Элементарные формы, 2020.

Жеребкина, И.А., Жеребкин, С.В. Война и мир Джудит Батлер. СПб.: Алетейя, 2018.

Жирар, Р. [Girard R.] Козел отпущения. СПб.: Издательский дом Ивана Лимбаха, 2010.

Зимбардо, Ф. [Zimbardo P.] Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

Каспэ, С.И. Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданского просвещения, 2016.

Куренной, В. Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. 2013. № 1(52). С. 70–78.

Мандельштам, Н.Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989.

Мандельштам, Н.Я. Вторая книга: воспоминания. М.: Московский рабочий, 1990.

Мандельштам, О.Э. Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.

Манн, М. [Mann M.] Фашисты: социология фашистских движений. М.: Пятый Рим, 2019.

Манн, Т. [Mann T.] Письма. М.: Наука, 1975.

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2017.

Милгрэм, С. [Milgram S.] Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Найман, А.Г. Рассказы об Анне Ахматовой. М.: Художественная литература, 1989.

Нерлер, П.М. «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015.

Норт, Д. [North D.] Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА», 1997.

Паркер, Я. [Parker I.] Психоаналитическая культура: психоаналитический дискурс в западном обществе. Ижевск: Ergo, 2013.

Петровский, А.В., Ярошевский, М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.

Рубинштейн, С.А. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959.

Седакова, О.А. Вещество человечности: интервью 1990–2018. М.: НАО, 2020.

Социальная психология добра и зла / Под ред. А.Г. Миллера. Харьков: Гуманитарный центр, 2022.

Тхостов, А.Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // Национальный психологический журнал. 2010. № 2(4). С. 56–59.

Франкфорт, Г., Франкфорт, Г.А., Уилсон, Дж., Якобсен, Т. [Frankfort H., Frankfort G.A., Wilson J., Jacobsen T.] В преддверии философии: духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984.

Шоу, Дж. [Shaw J.] Психология зла: почему человек выбирает темную сторону. М.: Альпина Паблишер, 2021.

Эко, У. [Eco U.] Пять эссе на тему этики. СПб.: Симпозиум, 2003.

Arendt, H. *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil*. New York: Viking, 1964.

Hogg, M.A., Vaughan, G.M. *Social psychology*. Harlow: Pearson, 2022.

Moghaddam, F.M, Harré, R. Rethinking the laboratory experiment // *American Behavioral Scientist*. 1992. Vol. 36. No. 1. P. 22–38.

Teo, T. Essay on fascist subjectivity // I. Strasser, M. Dege (Eds.). *The psychology of global crises and crisis politics: Intervention, resistance, decolonization*. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 325–345.

Сведения об авторе

Дмитрий А. Хорошилов, доктор психологических наук, Институт психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; d.khoroshilov@gmail.com

Khoroshilov D.A.

Social institutes and problem of evil in psychology

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

The article deals with the problem of dual understanding of the principle of social determination in Russian psychology. Social determination was interpreted primarily as the mediation of cognitive processes by the sign system of language and interpersonal relations, while the real socio-historical context of human life was relegated to the background. In the scientific school of G.M. Andreeva was the first to propose a conceptual program for the return of the real context to the study of social cognition as the construction of an image

of the world. The “crystallization” of the social context is social institutions that set the mechanisms of socialization and individualization of the individual. Radical social changes are interpreted as a total crisis of social institutions that are losing their main function – the orientation of a person in uncertainty. In a situation of deformation and crisis of institutions, space is freed up for the embodiment of social evil as an all-encompassing violence and self-destruction of society. The ultimate expression of social evil should be considered the political regime and ideology of German fascism in 1933–1945, which, after the works of H. Arendt, is studied in the perspective of the everydayization and banalization of violence. The desire to comprehend the reasons for the establishment of fascism has become one of the factors in the transformation of social psychology into an experimental discipline, in which K. Levin, S. Asch, S. Milgram, F. Zimbardo and other scientists have been researching, realizing the goal of modeling evil in social relations. Classical social psychological experiments are rather scientific performances (comparable to the art performances of M. Abramovich), and not methods in the strict sense of the word. Interdisciplinary studies of social evil can reveal the latent institutional prerequisites for the emergence of the phenomena of “new fascism” (according to J. Butler) and “fluid evil” (Z. Bauman). As evidence of the need for an expanded understanding of social determination, the “Second Book” of the memoirs of N.Ya. Mandelstam is analyzed.

Key words: social determination, social institutions, banality of evil, liquid evil, “The Second Book” by N.Ya. Mandelstam

For citation: Kboroshilov, D.A. (2022) Social institutes and problem of evil in psychology, *New Psychological Research*, No. 4, 73–89, DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_04_04

Acknowledgment

The study was supported by Russian Scientific Foundation, project No. 22-18-00140 “Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty”.

References

- Abramovich, M. (2019). *Walk through walls: A memoir*. Moscow: AST.
- Andreeva, G.M. (2007). *Social cognition*. Moscow: Aspekt Press.
- Arendt, H. (1964). *Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil*. New York: Viking.
- Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2018). *Preadapting to uncertainty: Unpredictable path evolutions*. Moscow: Acropolis.
- Auzan, A.A. (2013). *The economics of everything: How institutions shape our live*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.

Bauman, Z., Donskis, L. (2019). *Moral blindness: The loss of sentience in liquid modernity*. St. Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.

Benjamin, W. (2010). *The doctrine of similarity: media aesthetic works*. Moscow, RGGU.

Brodskii, I.A. (2020). *Child of civilization: Essays*. St. Petersburg: Lenizdat.

Douglas, M. (2020). *How institutions think*. Moscow: Elementarnye formy.

Eco, U. (2003). *Five essays on ethics*. St. Petersburg: Simpozium.

Frankfort, H., Frankfort, G.A., Wilson, J., Jacobsen, T. (1984). *Before philosophy: The intellectual adventure of ancient men*. Moscow: Nauka.

Girard, R. (2010). *The scapegoat*. St. Petersburg: Izdatel'skii dom Ivana Limbakha.

Grishina, N.V. (2022). Man in relations with the environment: Descriptions of the context. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 22–39.

Kaspe, S.I. (2016). *Political form and political evil*. Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.

Kurennoi, V. (2013). The irrational side of the rational. *Otechestvennye zapiski*, 1(52), 70–78.

Hogg, M.A., Vaughan G.M. (2022). *Social psychology*. Harlow: Pearson.

Mandelstam, N.Ya. (1989). *Memories*. Moscow: Kniga.

Mandelstam, N.Ya. (1990). *The second book: Memoirs*. Moscow: Moskovskii rabochii.

Mandelstam, O.E. (1987). *Word and culture*. Moscow: Sovetskii pisatel'.

Mann, M. (2019). *Fascists: the sociology of fascist movements*. Moscow: Pyaty Rim.

Mann, T. (1972). *Letters*. Moscow: Nauka.

Martsinkovskaya, T.D. (2017). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Milgram, S. (2016). *Obedience to authority: A scientific perspective on power and morality*. Moscow: Al'pina non-fikshn.

Miller, A.G. (Ed.). (2022). *Social psychology of good and evil*. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr.

Moghaddam, F.M, Harré, R. (1992). Rethinking the laboratory experiment. *American Behavioral Scientist*, 36(1), 22–38.

Naiman, A.G. (1989). *Stories about Anna Akhmatova*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Nerler, P.M. (Ed.). (2015). "Let's see who will overdo it...": *Nadezhda Yakovlevna Mandelstam in letters, memoirs, testimonies*. Moscow: AST.

North, D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow: Fond ekonomicheskii knigi «NACHALA».

Parker, I. (2013). *Psychoanalytic culture: Psychoanalytic discourse in western society*. Izhevsk: Ergo.

Petrovskii, A.V., Yaroshevskii, M.G. (1998). *Fundamentals of theoretical psychology*. Moscow: Infra-M.

Rubinshtein, S.L. (1959). *Principles and ways of development of psychology*. Moscow: izd-vo Akademii nauk SSSR.

Sedakova, O.A. (2020). *The substance of humanity: interviews 1990–2018*. Moscow: NLO.

Shaw, J. (2021). *Evil: The science behind humanity's dark side*. Moscow: Al'pina Publisher.

Teo, T. (2021). Essay on fascist subjectivity. In: I. Strasser, M. Dege (Eds.). *The psychology of global crises and crisis politics: Intervention, resistance, decolonization* (pp. 325–345). Cham: Palgrave Macmillan.

Tkhostov, A.Sh. (2010). Psychological ambiguity of the concept of violence. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 2(4), 56–59.

Zherebkina, I.A., Zherebkin, S.V. (2018). *Judith Butler's war and peace*. St. Petersburg: Aleteiya.

Zimbardo, P. (2013). *The lucifer effect: Understanding how good people turn evil*. Moscow: Al'pina non-fikshn.

Information about the author

Dmitry A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya square, Moscow, Russia, 125047; d.khoroshilov@gmail.com